

Джеймс Хэдли
Чейз

АНГЕЛ
БЕЗ
ГОЛОВЫ

Джеймс Хедли Чейз

Ангел без головы

Серия «Марк Гирланд», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41370157

Джеймс Хэдли Чейз:
ISBN 978-5-389-16378-2

Аннотация

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом-распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «... Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» В течение почти полувековой писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы.

В настоящем издании публикуется один из романов об агенте ЦРУ Марке Гирланде, созданный Чейзом в 1965–1969 гг.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джеймс Хэдли Чейз

Ангел без головы

James Hadley Chase
HAVE THIS ONE ON ME

Copyright © Hervey Raymond, 1967
All rights reserved

КЛАССИКА

и

ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

© А. Д. Степанов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

* * *

Глава первая

Лайнер «Каравелла» из Праги совершил посадку в парижском аэропорту Орли точно по расписанию. Пассажиры устремились к выходу. Среди них был и мужчина лет сорока пяти, крепкий, невысокого роста, с круглым малопримечательным лицом, и только взгляд его серых глаз казался настороженным. На пассажире была спортивная куртка в клетку, серые фланелевые брюки и канотье, сдвинутое на затылок. В руке он нес старенький черный портфель; этот портфель пассажир держал на коленях в течение всего полета – все сто минут.

Мужчину звали Джонатан Кен. Он был американский гражданин, владел небольшим офисом на пересечении улиц Сезанна и Фобур-Сент-Оноре и занимался поставками изделий из стекла для известных галерей в Нью-Йорке и Вашингтоне. Каждые две недели он навещался в Прагу, где всегда охотно выполняли его заказы. Чехи нуждались в долларах, а мистер Кен обеспечивал им надежный и существенный источник валютных поступлений.

Пассажиров доставили в здание аэровокзала, мистер Кен быстро прошел паспортный контроль и таможню – служащие кивали, узнавая его, – и оказался наконец на воздухе, на залитой солнцем площади. Он подозвал жестом такси и велел шоферу ехать на улицу Руаяль.

Машина тронулась, и пассажир настороженно оглянулся. Ни один из ожидавших очереди таксомоторов не двинулся следом. Однако это еще не означало, что все в порядке, и Джонатан Кен продолжал озираться до тех пор, пока такси не выехало на скоростное шоссе, ведущее в центр города.

У мистера Кена были причины опасаться слежки. За невзрачной внешностью мелкого торговца стеклом скрывался один из опытейших курьеров парижского отделения Центрального разведывательного управления. Главная задача Кена заключалась в поддержании связей с агентами по ту сторону «железного занавеса». Кен передавал им распоряжения, получал сообщения и контролировал их деятельность – чтобы деньги американских налогоплательщиков не улетали на ветер. Кроме того, от него требовалось следить за тем, чтобы никто из агентов не начал вести двойную игру.

Сегодня Джонатан Кен привез из Праги важные известия и поэтому собирался лично встретиться с Джоном Дори, главой парижского отдела ЦРУ. Вообще-то, Кен редко с ним виделся: если бы кто-то заметил их вместе, это плохо закончилось бы. Но сегодня встреча была крайне необходима. Требовалась предельная осторожность, чтобы не увязался «хвост». А машины шли таким плотным потоком, что обнаружить слежку не представлялось возможным. Кен прекратил понапрасну оглядываться. Преследователя можно будет засечь позже, подъезжая к месту.

Через полчаса такси выехало на площадь Звезды. Обогнув

Триумфальную арку, машина проследовала по Елисейским Полям к площади Конкорд и наконец достигла улицы Руаяль. Кен заплатил водителю и пешком направился к площади Мадлен. На углу располагался богатый магазин, торгующий стеклом и хрусталем. Зайдя внутрь, Джонатан миновал заставленные товаром витрины, поприветствовал знакомую продавщицу – она ответила привычным кивком – и без стука вошел в маленький кабинет, где сидел менеджер Джек Фой.

Фой, молодой блондин с искусственным загаром и несколько женственными чертами лица, разговаривал по телефону – по-видимому, о чем-то важном, поскольку не прервал беседу, а только поприветствовал гостя жестом.

Кен притворил за собой дверь, а затем снял куртку и канотье. Убрав то и другое в шкаф, он извлек оттуда же синий пиджак, а с полки взял зеленую шляпу с кремовой лентой. Помахал на прощание хозяину кабинета, приоткрыл незаметную дверцу и, не выпуская из рук свой драгоценный портфель, быстро зашагал по темному узкому переулку, который вывел его на улицу Дюфо. Здесь Кен снова взял такси и попросил шофера отвезти его к ресторану «У Жозефа» на улице Камбон.

Как только Кен оказался на месте, его вышел встречать сам владелец ресторана месье Жозеф Февре. Они обменялись рукопожатиями, а затем Февре – тучный лысый мужчина с маленькими усиками и бородкой – провел гостя по узкой лестнице в отдельный кабинет. Столик у окна был на-

крыт на двоих. Чтобы снизу, с улицы, в окна не заглядывали любопытные прохожие, кружевные занавески были плотно задернуты.

– Как вы съездили, месье Кен? – поинтересовался Февре. – Что будете есть? Может, выберете сегодня что-нибудь особенное?

Джонатан положил шляпу на стол, обтер лицо носовым платком и покачал головой:

– На ваше усмотрение, Жозеф. Пожалуй, пусть будет что-то особенное...

– Тогда для начала бутылочка сабли под мидии ан кокотт. Далее говяжье филе «Массена» и еще полбутылочки вина «Шато Озон» 1945 года.

По-видимому, владелец ресторана неплохо знал кулинарные предпочтения своего постоянного клиента и уже с утра продумал для него меню.

– Что ж, весьма аппетитно, – ответил Кен, взглянув на часы: было без четверти час. – Когда придет мой друг, проводите его сюда, пожалуйста.

– Разумеется, месье Кен, – поклонился Февре.

Он удалился, а гость закурил и задумался. Официант принес и поставил на стол аперитив – двойной коктейль водка-мартини. Кен съел оливку, бросил палочку в камин и чуть пригубил коктейль. Снова посмотрел на часы. Поправил манжеты. И вот наконец портьеры раздвинулись, пропуская в кабинет Джона Дори.

Дори было шестьдесят шесть лет, и тридцать девять из них он прослужил в американском посольстве в Париже, а теперь занимал высокую должность начальника местного отдела ЦРУ. Это был небольшого роста человек с птичьим лицом. Он носил очки без оправы. С виду его можно было принять скорее за процветающего банкира, чем за хитроумного и жесткого руководителя эффективной спецслужбы, которая вела борьбу с русской шпионской сетью.

– Приветствую, Джонатан, – произнес Дори, затворяя дверь. – Хорошо выглядишь.

– Спасибо, – ответил Кен, протягивая руку. – Вашими бы устами...

Снова появился официант – на этот раз он принес чинзано-биттер с содовой и льдом. Кен знал, что это излюбленный напиток шефа, и заметил, как Дори, принимая бокал, очень любезно кивнул официанту.

Когда они остались вдвоем, шеф сел напротив Кена.

– Что-нибудь случилось? – спросил он обманчиво мягким тоном.

– Плохие новости, – поморщился Джонатан. – Похоже, Уортингтон провалился.

Дори потер кончик своего птичьего носа, отпил коктейль и взболтал его, чтобы льдинки звякнули.

– Уортингтон – это твой человек в Праге?

Кен вытащил из кармана пачку сигарет «Мариньи». Он знал шефа уже давно и привык к тому, что тот вечно при-

творяется, будто ничего не знает, и требует объяснить ему ситуацию во всех подробностях.

– Да, речь идет об Алексе Уортингтоне, – терпеливо начал он. – Это англичанин, женатый на чешке, он живет в Праге уже больше десяти лет. Преподает английский разным местным шишкам. Завербован три года назад. Очень хочет накопить побольше. Мы переводим ему деньги в отделение «Кредит Свисс» в Берне. Там у него уже тысяч шестьдесят долларов. Все, что он сообщал до сих пор, было весьма полезно, и платили ему за дело. Но где-то он оступился. Наверное, подвела самоуверенность. Правда, он мог бы отпереться, ведь прямых улик против него не найти, но Уортингтон – не из тех, кто умеет блефовать в случае опасности. Он работал за деньги, а теперь хочет соскочить и пожить в свое удовольствие на заработанный капитал. Его можно понять, но для нас это нежелательно. Когда он пустится в бега, придется искать ему замену.

Дори слушал, неспешно потягивая коктейль. Когда Кен закончил, вновь появился официант – на этот раз толкая перед собой тележку с заказанными блюдами. Собеседники молча смотрели, как он переставляет их на стол. Глаза Дори за толстыми линзами очков смотрели спокойно и невозмутимо. При виде мидий он одобрительно улыбнулся.

– «У Жозефа» – по-прежнему один из лучших парижских ресторанов из числа не самых известных, – заметил он. – Отлично смотрится, а?

– Да и на вкус ничего...

Можно было приступать к еде: Кен знал, что шеф не вернется к деловому разговору до конца обеда. Когда подали говяжье филе, а вместе с ним на столе оказался и хрустальный графин с «Шато Озон», Дори даже заметил:

– Не слишком ли роскошно для меня, дружище?

– Почему бы себя не побаловать? – ответил Кен, разливая вино. – И потом, это ведь и для меня.

Обед продолжался почти без разговоров. Дори поинтересовался, как идет торговля. Джонатан понимал, что этот вид его деятельности шефа интересует меньше всего, и не стал пускаться в подробности. Сказал, что все идет неплохо, и только.

Когда официант принес последний заказ – кофе, – Дори сам вернулся к прерванному разговору.

– Я, честно говоря, никогда не доверял этому Уортингтону, – заметил он. – Что ж, делать нечего, будем искать замену.

– Новому агенту придется туго, – серьезно предупредил Кен. – Там все сейчас настороже, уровень опасности очень высокий. Да еще в Прагу приехал этот русский контрразведчик. Маликов. Похоже, ему поручили разобраться с ситуацией.

– Кто? Маликов? – Шеф прищурился. – Да... Это не шутка. Человек серьезный и опасный. Значит, там Маликов...

– Я думаю, что именно из-за него Уортингтон так перепу-

гался и решил соскочить.

– Ты думаешь, у него получится?

Кен только пожал плечами:

– Вряд ли. Но он попытается, это точно. Когда мы виделись в Праге, он просто трясся от страха.

– И когда же он пустится в бега?

– Не знаю. Пока он колеблется. Но думаю, как только он попытается скрыться, его сразу возьмут.

– А когда попытается?

– Трудно сказать. Как раз сейчас он собирается с духом. Но готов поспорить: едва он решится, они его возьмут.

– Насколько я помню, у нас там есть еще некая женщина?

– Есть. Мала Рид.

– Да-да, точно. Ну и как она?

– Ну, какой-то прок от нее был.

– Но если Уортингтона возьмут, он заговорит?

– Несомненно.

– И последствия для тебя и для Малы окажутся...

– ...чертовски неприятными.

Дори отхлебнул кофе. Видно было, что он напряженно думает, хотя и не показывает никаких эмоций. Кен наблюдал за ним.

– Не хотелось бы и ее терять, – сказал наконец Дори. – И уж точно не хотелось бы, чтобы ты потерял свои контакты в Праге. Остается подумать о судьбе Уортингтона.

Оба помолчали. Потом заговорил Кен:

– Самое разумное – убрать Уортингтона, пока он не очутился в лапах Маликова. Иначе из игры выйдет не только Мала, но и я.

– Вот этого бы очень не хотелось. – Дори сделал последний глоток кофе. – Ничего личного против Уортингтона я не имею. Он приносил пользу. Но он и получал за это хорошие деньги. А теперь другого выхода нет. Он сам виноват. В общем, чем быстрее, тем лучше.

– Да, надо все сделать до завтрашнего вечера. – Джонатан докурил и погасил сигарету. – Хотя возможно, завтра вечером уже будет поздно.

– Адрес в досье есть. Он живет все там же?

– Да. С женой.

Дори поразмыслил немного, потом резко отставил пустую чашку. Вид у него был холодный и отстраненный.

– Хорошо, я распоряжусь, – сказал он, глядя в глаза Кену. – А тебе пока лучше в Прагу не ездить. Маликов может тебя подозревать?

– Нет. Меня никто не подозревает, – спокойно и уверенно ответил Джонатан. – Я всего лишь старина Санта-Клаус, приношу детям подарки из зеленых купюр.

– Ну я бы на твоём месте все-таки побеспокоился. Маликов шутить не любит.

– Если Уортингтон замолчит навсегда, то беспокоиться не о чем.

Дори уверенно кивнул:

– Замолчит. Но надо решить, кто его заменит. – Он подумал еще немного, а потом предложил: – Джек Латимер? Знает чешский. Последние два года он работает в фирме «Интернешнл калкулейтерс». Я мог бы перевести его в Прагу. Что скажешь?

Кен плеснул себе еще кофе.

– Я согласился бы, если бы не Маликов. Латимер – неплохой агент, но Маликов расколлет его раньше, чем тот успеет устроиться куда-нибудь в Праге. Я же говорю: там все настороже. Контрразведка понимает, что кто-то явится на смену Уортингтону. И за любым новым человеком с Запада будут следить самым пристальным образом.

– Ладно, об этом не думай. А работать с Латимером ты сможешь?

– А почему бы нет?

– Ну и отлично! – объявил шеф, поднимаясь. – Значит, все решено. И спасибо за чудесный обед. Только ничего не предпринимай, пока я не дам сигнал. Через две недели поедешь в Прагу и там встретишься с Латимером. И вот увидишь – он будет намного полезнее Уортингтона.

Они пожали руки. Джонатан больше ни о чем не спрашивал: он знал, что это бесполезно. Если Дори сказал «решено», значит все действительно решено.

Кен взглядом проводил Дори, допил кофе и позвонил, чтобы принесли счет.

Алекс Уортингтон закрыл крышку чемодана и защелкнул замки. Взглянул на часы, подошел к окну и, прячась за занавеской, посмотрел, что происходит на улице.

Крепкий мужчина в черном плаще и фетровой шляпе по-прежнему неподвижно стоял у стены дома напротив, засунув руки в карманы. Уже пятый час этот человек не покидал свой пост.

Уортингтон отошел от окна и вытер лоб носовым платком. Снова взглянул на часы. Без пяти десять. Сейчас придет Сик – у него назначен урок английского. Как только он войдет в дом, наружное наблюдение снимут. Сик тоже служит в чешской службе безопасности, так что уличный наблюдатель временно окажется не нужен. Но едва кончится урок – и наблюдатель возникнет снова. Эта кошмарная слежка длится уже четыре дня. Все, сегодня пора уходить. Кольцо сжимается, и может быть уже поздно. Могут арестовать с минуты на минуту. Надо уйти отсюда и спрятаться где-нибудь.

Уортингтон задвинул чемодан под кровать и вышел в гостиную. С виду он был типичный англичанин – орлиный нос, аккуратные, военного типа усики, высокий и сухощавый. Ему вскоре исполнится пятьдесят, и темные курчавые волосы начинали седеть.

Эмили, его жена, отправилась за продуктами и вернется часа через два. Здесь повсюду очереди, просто купить еды – дело непростое. Уортингтон не жалел о том, что придется расстаться с женой. Пятнадцать лет назад, когда они по-

знакомились, она была само очарование. Но потом бросила следить за собой, располнела, и его чувства угасли. Он уже и не помнил, когда они последний раз занимались сексом. Эмили не догадывалась ни о его работе на ЦРУ, ни о солидном капитале в швейцарском банке. И о той, другой женщине она не знала... Впрочем, другая женщина тоже пока не знала, что Уортингтон ее любит.

Он подошел к письменному столу, выдавшему виды, поцарапанному, со множеством следов от сигарет на неполированной поверхности. Выдвинул ящик и достал самодельное оружие: в чехол из мешковины был насыпан песок с кусочками свинца – получалась увесистая дубинка. Свинец пришлось сдирать со скатной крыши, пока Эмили спала. Уортингтон взвесил дубинку в руке. Нет, он вовсе не жестокий человек по природе, но что делать – положение безвыходное.

Алекс сунул в карман свое оружие и уселся за стол. Его самого удивляло то фаталистическое спокойствие, с каким он ожидал Сика. Сегодня будет чтение «Саги о Форсайтах» Голсуорси.

Хотя Уортингтону этот чех был противен всем своим существом, англичанин не мог не признать, что Сик очень быстро осваивает английский. Даже славянский акцент стал не таким резким. Странно, что человек с такой репутацией явно получает удовольствие от знакомства с жизнью типичных англичан – Форсайтов.

Уортингтон открыл потрепанный том Голсуорси и нашел

то место, которое они читали на прошлом уроке. Нет, слава богу, руки не дрожат. Он положил тяжелую книгу на стол, и в этот момент послышались шаги на лестнице. Уортингтон бросился к окну, на ходу вытирая руки платком. Наружное наблюдение сняли.

Звонок в дверь. Уортингтон сунул платок в карман и открыл дверь. Сик молча кивнул и направился в гостиную. Это был здоровенный детина с плотно сжатыми губами и подозрительным взглядом узких глаз.

– Отличная погода сегодня, – заученно произнес Уортингтон. – Хорошо, наверное, погулять в такой день. Присаживайтесь, мистер Сик.

– Да, хорошая погода, приятно погулять, – ответил Сик по-английски.

Он сунул свою черную засаленную шляпу под стул и теперь наблюдал за тем, как преподаватель присаживается и берет в руки том Голсуорси.

– Как поживает ваша жена? – спросил Сик.

– Отлично, спасибо! – ответил Уортингтон.

Он знал, что все это – только упражнения в разговорном английском. До его жены Сику нет никакого дела.

– Надеюсь, ваша жена также хорошо поживает? – произнес он, придвигая ученику книгу.

– Да, у нее все в порядке, – отвечал Сик, устраиваясь поудобнее. – Большое спасибо.

– Итак, начнем! – Уортингтон старался, чтобы его голос

звучал как можно спокойнее. – Давайте продолжим чтение. Вчера у вас все очень хорошо получалось. Вот здесь отмечено место, где мы остановились.

Сик поглядел учителю в глаза, а затем принялся читать, держа книгу довольно далеко от глаз.

Уортингтон поднялся и, заложив руки за спину, принялся прохаживаться туда-сюда. Интересно, слышит ли Сик, как сильно бьется его сердце? В ногах чувствовалась дрожь, хотелось сесть и успокоиться, но он заставлял себя продолжать. Другого шанса обрести свободу просто не будет.

– Подождите-ка! – прервал он чтение Сика: учительские навыки дали о себе знать, и он на секунду забыл о задуманном. – А вы поняли, что здесь написано? Прочитайте-ка еще раз, пожалуйста!

Сик пробасил еще раз: «Заткнись! Разве я тебе не сказал, что он вылетел в трубу?» Нахмурившись, Сик поглядел некоторое время в книгу, а потом покачал лысой головой:

– Нет, этого я не понимаю.

– «Заткнись» – значит «замолчи», – объяснил Уортингтон, чувствуя, как его пальцы сами сжимают дубинку. – «Вылететь в трубу» – разориться. Теперь ясно?

– Ага.

– Продолжайте, пожалуйста!

Уортингтон снова сделал несколько шагов и оказался за спиной врага. Ладони вспотели. Он вытащил дубинку и взглянул на огромный лысый череп Сика. Интересно, какие

мысли у чеха в голове? Может, готовится прямо сейчас арестовать его?

Сик читал фрагмент, где описывался приход Сомса Форсайта в суд. Вдруг он прервался, словно почувствовав что-то неладное. И как только Сик захотел обернуться, Уортингтон, резко выдохнув, ударил его по голове.

Мешковина лопнула, песок с кусочками свинца посыпался на ковер. Сик сидел неподвижно, опустив голову на грудь. Песок струился с затылка на приплюснутые уши и далее на усыпанный перхотью воротник. Не выпуская из рук липкую тряпку, Уортингтон с ужасом наблюдал за своей жертвой. Вдруг туша как-то обмякла и сползла со стула, превратившись в бесформенную массу на полу.

Уортингтон отбросил тряпку и, покачиваясь, прошел в спальню. Вытащил из-под кровати чемодан, схватил черный плащ – такие теперь носил каждый второй в Праге – и быстро вернулся в гостиную. Сик лежал неподвижно. «Неужели я его убил?» – мелькнуло в голове Уортингтона. Но нельзя было терять время. Он выскочил за дверь и устремился вниз по лестнице. Нужно еще миновать четыре лестничных пролета.

На площадке второго этажа он услышал, как снизу кто-то поднимается. Уортингтон замер. Деваться некуда. Конечно, этот человек – кто бы там ни был – заметит чемодан в его руке. Что делать? Он стоял, не решаясь сделать шаг вперед.

На лестнице показалась Эмили.

Его жене было уже сорок четыре года. Маленькая тол-

штушка, крашенная блондинка с прической на манер птичьего гнезда. Глаза-щелочки, утонувшие в дряблых щеках. Поношенное летнее платье тщетно пытается скрыть полноту своей хозяйки.

Оба замерли, не отрывая глаз друг от друга. Эмили посмотрела на чемодан, потом снова на мужа. Тот улыбался, мысленно прикидывая: может, лучше ее убить?

– Уходишь? – спросила она; Эмили всегда говорила с ним по-чешски. – Что ты так напугался? Думаешь, буду плакать?

Он медленно выдохнул. Надо же, до чего дошел: действительно мог ее убить.

– Да, ухожу, – ответил дрожащим голосом Уортингтон. – Пока, Эмили. Надеюсь, ты это переживешь. Только вот что... Ты не можешь еще немного походить по магазинам?

Она переложила из руки в руку тяжелую сумку.

– Значит, все-таки уходишь к своей шлюхе? Ну и скатертью дорожка! Давно пора! Слава богу!

Уортингтона передернуло.

– Да, так вышло. Надеюсь, ты переживешь. Отец тебе...

– Без тебя знаю! Ступай к своей шлюхе! – И она шагнула на ступеньку вверх.

– Эмили! Подожди! Не надо туда идти! – Голос Уортингтона даже сорвался от страха. – Походи еще по магазинам. Мне пришлось его... он там наверху.

Она остановилась и посмотрела на него:

– Ну и дурак! Ты что думаешь, теперь далеко уйдешь?

Уортингтон понимал, что зря теряет время. Он еще раз взглянул на жену – наверное, в последний. Она держала в руках сетку с красной капустой. Всегда почему-то предпочитала красную.

– Прощай, Эмили!

Последним, что он запомнил, когда оглянулся, оказалась такая картина: жена стоит, вцепившись в сетку с продуктами, и злобно поедает его взглядом, – в этом была вся Эмили. Открывая дверь парадной, Уортингтон услышал за собой ее шаги. Должно быть, решила все-таки сходить на рынок, купить еще еды, а потом вернуться. Он ее не осуждал. В Праге вся жизнь вертится вокруг хлеба насущного.

Уортингтон быстро шел по узкой улице, всматриваясь в каждый подъезд. Похоже, никто за ним не следил. Они там уверены, что, пока Сик за ним приглядывает, почитывает Голсуорси, англичанин не посмеет убежать.

Дойдя до перекрестка, Уортингтон встал в конец длинной очереди, покорно, как стадо, ожидавшей трамвая. Он стоял вместе со всеми и мысленно прикидывал: сколько времени потребуется Сику, чтобы очнуться и кинуться в погоню?

Это зависит от толщины черепа, решил Уортингтон. Вспомнив, какой силы был удар, он немного поморщился.

Подошел трамвай, и толпа ринулась на штурм. О том, чтобы сесть, нечего было и думать, и Уортингтона прижало к какому-то старику. Тот оглядел его, а потом принялся смотреть в сторону. Наверное, типично английская внешность незна-

комца вызвала у старика подозрения, но Уортингтон к этому давно привык. На него здесь повсюду поглядывали настороженно – на улицах, в отелях, в ресторанах. Поношенная одежда говорила о том, что он не турист. Все время пребывания тут, в Праге, он вызывал подозрения.

Трамвай подъехал к Староместской площади, и Уортингтон вышел. Он быстро миновал знаменитые куранты XV века. Туристы уже собирались группами, чтобы посмотреть на двенадцать апостолов, которые появляются во время боя часов, сменяя друг друга. Уортингтон задержал взгляд на фигуре Смерти – скелете, отбивающем время. Уортингтон почувствовал, что его срок близится, и поспешил отсюда прочь.

Протолкнувшись сквозь заполонившую тротуар толпу, он нырнул в переулок, по обеим сторонам которого красовались отреставрированные барочные дома, а затем свернул в подворотню.

Здесь он подождал немного, оглядываясь по сторонам. Навстречу шла какая-то хромая старуха, сжимая узловатой рукой палочку. Больше никого. Уортингтон устремился во двор, миновал покрытый патиной и мхом, давно не работающий фонтан и, еще раз обернувшись, вошел в подъезд и поднялся по деревянной лестнице.

Добравшись до верхней площадки, сильно запыхавшийся Уортингтон прошел по тускло освещенному коридорчику и остановился у старой ошарпанной двери. Снова прислу-

шался и, убедившись, что никто не поднимается за ним следом, нажал на кнопку звонка. За дверью послышались шаги, в замке повернулся ключ – и дверь распахнулась.

При виде Малы Рид у него всегда перехватывало дыхание. Он влюбился в нее с первого взгляда, но никогда не выдавал своих чувств. О том, как она относилась к нему, легко было догадаться по ее холодности: он доставлял ей сообщения, и она думала о нем не больше, чем о почтальоне. Теперь она с удивлением взирала на него, но он чувствовал, что в этом удивлении нет ничего личного.

– Здравствуй! И что ты тут делаешь?

Уортингтон молча направился в большую студию, поставил чемодан и повесил плащ. Девушка наблюдала за ним, прислонившись к двери. В ее взгляде сквозило беспокойство.

Мале Рид было двадцать восемь лет. Она родилась в Праге от смешанного брака: ее отец был чех, а мать – американка. Отца казнили как политического преступника. Мать умерла три года спустя от рака. Мала зарабатывала на жизнь пением в ночном клубе «Альгамбра». Голос у нее был не очень сильный, но с помощью микрофона ей удавалось срывать аплодисменты не слишком взыскательных туристов, в особенности американских: она вкладывала в свое пение много эмоций и казалась чувственной.

Ее способности обратили на себя внимание ЦРУ, и вот уже два года она каждую ночь пела в клубе, а кроме того, за-

рабатывала дополнительные средства, оказывая услуги разведке.

Это была среднего роста брюнетка, весьма привлекательная, хотя и нельзя сказать, что красивая. Высокие скулы, большие васильковые глаза, чувственный рот и тонкий, чуть курносый нос, – все это придавало ей мальчишеский вид. Но главным достоинством Малы было тело: полногрудая, с тонкой талией, полными бедрами и длинными ногами, она привлекала бы взгляды туристов, даже если бы не пела.

Пару лет назад один из агентов Дори завербовал ее. Агент понимал, что хотя Мала и не глупа, но совершенно не понимает, в какую пропасть ее увлекают. Ей не нравилась регламентированная жизнь, не нравились коммунисты, и она легко согласилась помогать американцам. Однако до сих пор ее особенно не нагружали заданиями. Девушка всего лишь выполняла обязанности связной, передавая послания другим агентам. Она работала с Уортингтоном. Всего лишь трижды за последние два года ей довелось добывать для ЦРУ информацию – чрезвычайно важную, хотя сама она этой важности не осознавала. Малу начали считать ценным сотрудником, несмотря на положение обычного курьера, которое она занимала. Находившийся в Париже Дори имел преувеличенные представления о ее способностях. Если бы Мала узнала, что ее называют чуть ли не лучшим агентом ЦРУ в Чехословакии, она не на шутку перепугалась бы. В глазах спецслужб на родине Мала продолжала быть добропорядочной граждан-

кой – ведь она родилась и прожила всю жизнь в Праге, хорошо зарабатывала и законов не нарушала. Она не вызывала у властей никаких подозрений и потому была прекрасным агентом для Дори.

Неожиданное появление Уортингтона испугало ее. На часах было десять минут двенадцатого, Мала недавно встала и еще даже не допила свой утренний кофе. Она куталась в выцветший халатик, на ногах у нее были розовые шлепанцы.

Мала посмотрела на чемодан Уортингтона и спросила:

– Собрался уезжать?

Уортингтон вынул платок и промокнул лоб и виски:

– Да, собрался. Присядь, Мала. Надо поговорить.

– Что-то случилось?

Уортингтон сразу вспомнил обмякшее тело Сика на полу гостиной и рядом томик Голсуорси. Он с отчаянием поглядел на Малу. Даже в сорок семь лет и после восьми лет воздержания он все еще сожалел об упущенных возможностях. Сколько удовольствия доставила бы ему эта шикарная девушка. Он мысленно сравнивал ее с толстухой Эмили, и худоба Малы возбуждала его.

– Мне надо пожить тут несколько дней, – сказал Уортингтон.

Мала в замешательстве опустила на стул.

– Ты извини... – продолжал он. – Так уж вышло. Надо кое-что сделать. И тебе придется мне помочь, – и добавил, наклонившись к ней поближе: – Мне надо тут остаться. Это

необходимо.

– Здесь? – удивленно переспросила Мала. – Но тут же всего одна комната! Нет, это невозможно.

– Так надо. Обещаю тебе не мешать. Всего пару дней, а потом я уеду из Праги. Но без твоей помощи мне не скрыться.

– Но ведь и кровать только одна... – Мала кивнула в сторону небольшого дивана в нише. – Нет, это невозможно.

«Нет чтобы предложить мне разделить с ней этот диван, – с горечью подумал англичанин. – Нет, не тут-то было. Она меня не любит. Для нее я никто».

– Не беспокойся, посплю на полу. Мне надо всего лишь спрятаться.

Мала глядела на него широко раскрытыми глазами. Заметив его бледность и испуг, она спросила:

– Тебя ищут?

– Да, – кивнул Уортингтон.

Капитан О'Халлорен откинулся на спинку кресла. Это был широкоплечий голубоглазый и краснолицый мужчина с решительно сжатыми губами. Он отвечал за всех агентов ЦРУ в Европе и был правой рукой Дори.

Дори, сидевший за своим письменным столом, поигрывал ножом для разрезания бумаги. Он только что рассказал капитану о встрече с Кеном. О'Халлорен слушал молча. Он знал, что Дори сам найдет выход: капитан доверял своему

шефу безоговорочно.

– Итак, дело обстоит следующим образом, – сказал Дори, положив на стол нож. – Если Маликов схватит Уортингтона, то и Кен, и Мала Рид провалятся. Уортингтона надо ликвидировать. Кто может это сделать?

– Майк О’Брайен, – ответил О’Халлорен без малейших колебаний. – Он может вылететь в Прагу уже сегодня вечером с дипломатическим паспортом... никаких проблем с этим не будет. И уже сегодня ночью или завтра утром он все устроит.

Дори задумался, наморщив лоб, и пожал плечами:

– Ладно, Тим, действуй! Устрой это.

И он показал на телефон. Когда О’Халлорен стал набирать номер, шеф погрузился в какие-то бумаги из объемистой папки. Он все еще читал, когда О’Халлорен положил трубку.

– Можно сказать, что дело в шляпе, – спокойно доложил он.

Дори кивнул и продолжил чтение. О’Халлорен сел на свое место и принялся терпеливо ждать. Шеф листал документы, а капитан смотрел на его бледное напряженное лицо и вспоминал годы, в течение которых ему довелось работать под руководством этого человека. С точки зрения О’Халлорена, Дори был не без странностей, но капитан не сомневался, что босс обладает необыкновенно острым умом и бывает безжалостным, если требуется для дела. К тому моменту, когда Дори расписался на вложенной в папку последней странице,

его подчиненный пришел к выводу, что предпочитает своего босса любому другому начальнику в ЦРУ.

Дори отодвинул папку в сторону и внимательно посмотрел сквозь очки в глаза О'Халлорену.

– Теперь надо решить, кем заменить Уортингтона, – сказал он. – Мне кажется, Джек Латимер справился бы, но Кен так не считает. Чехи будут выслеживать замену, и Латимер может провалиться сразу, еще ничего не сделав. Так думает Кен.

– Латимер – тот, кто нам нужен, – сказал О'Халлорен. – Если надо, я поговорю с Кеном.

– Я уже сам с ним беседовал. И Кен всегда говорит дело. – Дори сложил пальцы домиком. – Там Маликов. Помнишь его?

– Еще бы! – О'Халлорен даже выпрямился на стуле.

– Да... Маликов – лучший из советских агентов. Ну что ж, по крайней мере мы знаем, что он там. Итак... – Дори остановился, изучая свои ногти и хмурясь. – Итак, нужно обмануть Маликова и внедрить Латимера в Прагу.

О'Халлорен знал, что босс уже все решил, и потому молча ждал продолжения.

– Надо что-то придумать для отвода глаз, – продолжал Дори. – Мы отправим в Прагу агента, он обнаружит себя, и пока Маликов будет с ним возиться, туда проскользнет Латимер.

О'Халлорен потер свою массивную челюсть.

– Звучит неплохо, – сказал он. – Но вот только этому...

первому агенту... придется туго.

Дори чуть заметно улыбнулся:

– Да уж! Но что делать, это расходный материал. – Он помедлил, разглядывая капитана, и продолжил: – Ты не знаешь, Гирланд вернулся? Он должен был прилететь из Гонконга сегодня утром.

– Гирланд? – О’Халлорен подался всем корпусом вперед. – Гирланд здесь?

– Да. Я за ним слежу. Он мне должен кучу денег. И пора уже расплатиться. – Дори снова взял со стола нож и стал его осматривать. – Вот Гирланда я и использую в качестве приманки. Когда Маликов узнает, что Гирланд в Праге, он тут же решит, что это и есть новый агент. И пока он будет разбираться с Гирландом, Латимер займет свое место. Как тебе план?

О’Халлорен задумчиво рассматривал свои покрытые веснушками руки. К Гирланду – в свое время лучшему агенту Дори – он тоже неплохо относился.

– А кто сказал, что Гирланд согласится лететь в Прагу? – спросил он наконец. – Он же на нас больше не работает. И он не дурак. Нет, он не захочет соваться за «железный занавес».

– У него есть две слабости, – ответил Дори, – женщины и деньги. Полетит как миленький.

– Но тогда мы его потеряем! Разве нам это нужно?

Дори поджал тонкие губы:

– Гирланд думает только о себе. Он работал на нас толь-

ко потому, что это было ему выгодно. И он выманил у меня немаленькую сумму. Теперь пришла пора использовать его так, как он использовал нас. Так что мы его теряем... Это будет большая потеря.

О'Халлорен пожал плечами:

– Если удастся внедрить его в Прагу, то мне нет дела, что с ним там произойдет. Но нельзя забывать: это хитрый малый. И зачем ему лететь в Прагу?

– Если наживка достаточно аппетитная, рыба всегда клюет, – ответил Дори. – А для Гирланда у меня есть очень аппетитная наживка. Он полетит в Прагу.

Уортингтон вышел из крошечной ванной комнаты, протирая лицо полотенцем. Он сбрил усы, и его худое лицо сделалось как будто длиннее и слабевольнее.

– Совсем другое дело, – произнес он. – А ведь я носил усы четверть века. Как-то неуютно без них. – Он вытащил из нагрудного кармана очки в роговой оправе и надел их. – Ну что, узнают они меня в очках и без усов?

Мала печально глядела на него. Действительно, оголенная верхняя губа и очки изменили его внешность. Ее ошеломил напор Уортингтона: с чего он взял, что вправе вламываться в ее квартиру? И почему она должна помогать ему?

– Надо еще волосы покрасить, – продолжал Уортингтон, разглядывая себя в зеркало, висевшее над камином. – У меня в чемодане есть пузырек с перекисью. Но я этого никогда

не делал... – Он повернулся к Мале и спросил: – Поможешь мне?

Мала сделала глубокий вдох.

– Нет, – ответила она, стараясь подавить дрожь в голосе. – Я не буду тебе помогать!

Мала была охвачена настоящим ужасом. Она не сомневалась, что, если Уортингтона поймают, он выдаст и ее. В этом вытянутом лице не было заметно никаких признаков воли. Как только Уортингтона начнут допрашивать, он тут же все выложит. Тогда они явятся сюда и уведут ее. От одной мысли, что она попадет в лапы госбезопасности и с ней способны сделать что угодно, у Малы немели руки и ноги.

– Пожалуйста, уходи! Я очень прошу. Пожалуйста...

Уортингтон посмотрел на нее с упреком.

– Как ты можешь так говорить? – спросил он. – Давай-ка я лучше заварю тебе чаю. Чай ведь лучше, чем алкоголь. – Он оглянулся по сторонам. – Где у тебя чайник для заварки?

Мала продолжала сидеть, вцепившись в ручки кресла.

– Пожалуйста, уходи! – повторила она. – Я очень прошу! Я не буду тебе помогать! Уходи!

– Ну-ну, не глупи, – сказал Уортингтон; он снял очки и аккуратно положил их в нагрудный карман. – Если меня арестуют, арестуют и тебя. Давай-ка лучше пить чай.

Он отправился в маленькую кухню и стал возиться там с чайником. Мала беспомощно оглядывалась по сторонам: как же убежать? Теперь она горько сожалела о том, что послу-

шалась агента Дори, так складно вещавшего о патриотизме и долге, а заодно и о деньгах, которые она сможет заработать. Вплоть до сегодняшнего дня она до конца не понимала, во что ввязалась. А теперь все жуткие истории об участии раскрытых шпионов вдруг всплыли в ее памяти. Может, вызвать полицию? Будет ли ей оказано снисхождение, если она выдаст Уортингтона? Нет, не будет. Она представила, как ее лапают их горячие, грубые ладони. Представила, как с ней начнут обращаться, чтобы она заговорила. И даже если она расскажет всё – а ведь и рассказывать особенно нечего, – они все равно будут продолжать, потому что решат, будто она многое скрывает.

Уортингтон вышел из кухоньки с чайником в руках.

– Когда я покрашусь, – сказал он, – тебе надо будет меня сфотографировать. У меня и аппарат есть. Нужно сделать фото на паспорт.

Он вернулся в кухню и принес чашки и блюдца.

– Затем я дам тебе адрес, и ты туда сходишь, – продолжал он, расставляя чашки. – Там один человек поможет вклеить фото в паспорт. Он по этой части спец. И как только будет готово, я уйду. Они не знают, что у меня сохранился британский паспорт. С другой внешностью я сойду за туриста. – Он поднял крышку чайника и поглядел, хорошо ли заварился чай. – Эх, нету китайского чая, – вздохнул он, закрывая крышку. – Ты с молоком пьешь?

Мала молча наблюдала за ним, съездившись в кресле. Ей

приходилось кусать пальцы, чтобы не закричать.

Майк О'Брайен приехал в Прагу на машине в девять вечера.

Перед этим он долетел местным рейсом до Бамберга и арендовал машину. Дорога до Праги заняла немного времени.

О'Брайен, молодой человек с шевелюрой песочного цвета, плоским веснушчатым лицом и холодными серыми глазами, выполнял для О'Халлорена грязную работу. За последние три года, а именно столько он работал на капитана, ему пришлось убить четырех агентов, заподозренных в предательстве.

Убийства стали для него привычным делом. Никаких угрызений совести из-за того, что он отнимает человеческую жизнь, О'Брайен не испытывал. Даже когда он совершал самое первое убийство, в его душе ничего не дрогнуло. Для него это была просто работа: дверной звонок, пистолет с глушителем, спусковой крючок. Он с самого начала решил, что надежнее всего целиться в голову, чтобы убивать наверняка.

О'Брайен изучил карту центральных районов города. Отыскать квартиру Уортингтона будет несложно. Он припарковал машину, вышел, хлопнул дверцей и быстрым шагом направился к жилому дому. Когда поднимался по лестнице, проверил в кармане пистолет. Если повезет, думал он, сегодня до полуночи буду в Нюрнберге. Там переночую, а

потом на самолет – и в Париж.

О’Брайен поднялся на площадку, где находилась квартира Уортингтона, и, прежде чем позвонить, снял пистолет с предохранителя. Убедился, что тот свободно вынимается из кармана, а затем надавил большим пальцем на кнопку.

Короткая пауза, потом шаги – и дверь отворилась.

Перед ним стоял мужчина очень высокого роста. Светлые стриженные волосы, квадратное лицо, высокие скулы и зеленые глаза.

О’Брайен содрогнулся, узнав Маликова. Раньше он его не встречал, но видел фотографию в досье ЦРУ – ошибки быть не могло.

За спиной Маликова появились еще трое, у двоих в руках «стэны». Все трое были одеты в поношенные черные костюмы и черные шляпы и мрачно глядели на него, не двигаясь.

– Слушаю, – произнес Маликов.

Голос был вежливый, а зеленые глаза ничего не выражали.

О’Брайен быстро соображал. Поймали ли они Уортингтона? Похоже, что да. Иначе как бы они оказались в его квартире?

– Дома ли мистер Уортингтон? – спросил он. – Мне сказали, он дает уроки английского.

– Заходите, – сказал Маликов и сделал шаг назад.

О’Брайен колебался, но направленные на него «стэны» не оставляли выбора. Он прошел в гостиную. Трое за спиной Маликова продолжали буравить его глазами, не двигаясь с

места.

– Мистера Уортингтона нет дома, – сказал Маликов, за-
творяя дверь. – Разрешите взглянуть на ваши документы.

Чуть пожав плечами, О’Брайен вынул паспорт и протянул
Маликову.

– Как поживает мистер Дори? – поинтересовался Мали-
ков, бросая документ тому из сопровождающих, у которого
не было в руках оружия.

О’Брайен усмехнулся:

– Пока не умер... насколько мне известно. А как поживает
мистер Ковский?

Так звали босса Маликова.

– Тоже жив, – ответил тот.

Повисла пауза, а потом Маликов продолжил:

– Вы немного опоздали. Уортингтон покинул квартиру
примерно в десять часов утра. Пожалуйста, сообщите мисте-
ру Дори, что я позабочусь об Уортингтоне. Пусть не волну-
ется: Уортингтон никуда не денется. – Маликов чуть покло-
нился. – Очень жаль, что вам пришлось зря съездить. Будьте
добры, следуйте за этим человеком. Паспорт мы вам вернем
в аэропорту.

Верзила, принявший паспорт О’Брайена, двинулся к вы-
ходу. О’Брайену оставалось лишь подчиниться. Он шагнул
следом.

– Погодите секунду, мистер О’Брайен, – задержал его Ма-
ликов. – Я просил бы вас не возвращаться. Вам тут не будут

рады. Понимаете?

– Конечно, – ответил О’Брайен. – Всего хорошего.

Когда он начал спускаться по лестнице, вдруг послышался сдавленный звук: плакала какая-то женщина в глубине квартиры. Должно быть, жена Уортингтона, подумал О’Брайен, мысленно содрогнувшись. Не хотелось бы ему оказаться на ее месте.

Маликов!

Он поморщился.

Глава вторая

– Послушай, киска, – сказал Гирланд, – через пять минут мне надо выходить. Может быть, ты уже допьешь это пойло и отправишься по своим делам?

Девушка, сидевшая напротив него, продолжала мешать соломинкой тающие кубики льда в бокале. Гирланд подцепил ее в кафе на левом берегу. Ей едва исполнилось восемнадцать, и она была совершенно очаровательна. Темноволосая, чувственная, в красных обтягивающих брюках и в белой в красную полосу блузке, – на такую красотку нельзя было сразу не запасть. Однако теперь, в квартире на улице Сюис, Гирланд с запозданием понял, что девица слишком молода для него и к тому же слишком жадна, да и вообще...

– Ты что, выгоняешь меня? – спросила она, склонив голову набок, – эту позу она явно скопировала с какой-то кинозвезды.

– Да, извини, именно выгоняю, – ответил Гирланд с чарующей улыбкой. – Мне пора уходить.

– И что, мы ничем не займемся? Разве я тебе не нравлюсь? Куда ты спешишь?

Гирланд вздохнул. «И какого черта, – подумал он, – я все время попадаю в такие истории? И никогда не могу сказать „нет“. Она выглядела божественно. Черт ее возьми! Нет, действительно красивая. Почему, как только женщины откры-

вают рот, с ними становится так скучно? Вот молчала бы все время, можно было бы отлично с ней развлечься».

– Я тебя пригласил выпить. Ну вот мы и выпили. А теперь мне пора идти, – сказал он, поднимаясь. – Давай, счастливо, киска!

Она продолжала отпивать из бокала маленькими глоточками, надув свои и без того пухлые губы. Потом оглядела его высокую широкоплечую фигуру, его волевое лицо и седину, пробивающуюся в черных волосах. «Какой мужик!» – подумала она.

– Ты шутишь, наверное, да? – спросила она. – Я сюда пришла за делом. Не случайно меня прозвали Бедра-Шарниры. Ты меня не забудешь, парень! И чтобы получить удовольствие, надо всего лишь расстегнуть молнию у меня на брюках.

Гирланд рассматривал ее. Нет, все-таки в ее присутствии он чувствовал себя почти стариком. Такая откровенная сексуальность действовала как вылитый на голову стакан ледяной воды.

– Давай в другой раз, – сказал он. – А ну-ка, киска, сворачивайся, и пока.

Тут зазвонил телефон.

– Черт бы побрал эти аппараты, – сказала девушка. – Каждый раз, как мне попадается нормальный мужик, они принимаются звонить.

– Такова жизнь, – заключил Гирланд, одной рукой снимая

трубку, а другой показывая на дверь. – Выход вон там. Как спустишься, сразу слева будет вход в метро. До встречи, кивая.

В трубке прозвучал голос с сильным нью-йоркским акцентом:

– Гирланд?

– Да, я.

– Это Гарри Мосс, – представился собеседник. Фоном звучала мелодия свинга. – Ты меня не знаешь. Мне дал твой номер Фред.

Девушка направилась к двери и, проходя мимо Гирланда, вылила недопитый коктейль ему на голову. Две почти растаявшие льдинки соскользнули по его плечу на пол. Тщательно, чтобы не упал, она установила перевернутый бокал у обидчика на голове и вышла, покачивая бедрами-шарнирами. Гирланд вздохнул, снимая с головы бокал и ставя его на столик, а затем помахал девушке на прощание. Она показала ему двумя пальцами знак победы.

– Фред? Какой Фред? – переспросил он.

– У меня есть для тебя работенка, если ты не против, – не отвечая, продолжал звонивший. – Хорошо заплачу.

Гирланд вспомнил о своем пустом бумажнике и стал слушать внимательнее:

– И сколько?

– Бильон и еще два франка, – ответил собеседник. – Так что, обсудим?

Девушка вышла из квартиры, но дверь не закрыла. Стоя на площадке, она улыбнулась ему, расстегнула молнию на брюках и приспустила их. Затем начала снимать через голову блузку.

– Да, конечно хочу, – быстро ответил Гирланд, – только не сейчас.

А что, если консьержка вздумает подняться по лестнице? Он вообразил, какое у нее будет выражение лица. Девушка сняла блузку и, оставшись в черном белье, приняла соблазнительную позу.

– Буду ждать в «Золотом кресте» в десять вечера. Знаешь это место?

– Кто же его не знает? – ответил Гирланд. – Хорошо, я приду.

И он повесил трубку.

Девушка поменяла позу.

– Нравлюсь? – спросила она, призывно улыбаясь.

Гирланду она очень нравилась, но он по-прежнему считал, что она слишком молода и слишком нахальна.

– Ты просто чудо, – ответил он. – Спасибо за шоу. Там за углом есть небольшая прачечная. Простирни себе мозги, киска, это тебе пойдет на пользу.

С этими словами он захлопнул входную дверь и повернул ключ в замке. Подождал немного, слушая вопли и грязные ругательства, которыми она осыпала его за дверью. Его даже удивило богатство ее словаря. Наконец девица исчерпала

свой словарный запас, запыхалась, и он понял, что она одевается.

Интересно, что подумали соседи?

Ну вот, слава богу, наконец хлопнула дверь вниз.

Он закурил сигарету и сел за стол.

Что за Гарри Мосс? И какой еще Фред? Единственный Фред, которого он знал, работал барменом в баре «Брессан», куда Гирланд часто наведывался. Он позвонил в бар и попросил к телефону Фреда.

– Это Гирланд. – Они обменялись обычными вопросами за жизнь, а потом Гирланд спросил: – Ты знаешь парня, который называет себя Гарри Мосс?

– А, этот... – Фреду «этот», похоже, не нравился. – Ну да, заходил к нам пару часов назад. Молодой... двадцать три примерно... Похож на гомика, хотя кто его знает. Жену бы я ему не доверил. Никого бы ему не доверил. Спрашивал, кто поможет провернуть одно дельце. Я так понял, что-то насчет контрабанды. Я дал ему твой номер. А что, не надо было?

– Да нет, ничего. Ладно, спасибо, Фред. Может, что-нибудь и выйдет. Если мы с ним поладим, с меня причитается.

И Гирланд повесил трубку.

Он посидел несколько минут, размышляя. Деньги были нужны. А когда они были не нужны? «Послушай, Гирланд, – сказал он самому себе, – деньги тебе нужны просто позарез. Зря ты завис в Гонконге на такой срок». Он вспомнил Тянь Той и вздохнул. Да, какая девушка! Чего у китаянок не отни-

мешь, так это мастерства. Он оставался с ней до тех пор, пока не кончились все вытянутые у Дори деньги. Хорошо еще, что не сдал обратный билет, а то пришлось бы добираться сюда на палубе, – вот Дори понравилось бы! Ладно, посмотрим, что там затеял Гарри, решил он, поднимаясь. Может, меня ждет приятный сюрприз. Как он сказал? «Бильон и еще два франка». Гирланд ухмыльнулся. Язычок у этого парня подвешен неплохо!

«Золотой крест» был захудалым ночным клубом на улице Дюбак. Гирланд пару раз туда заглядывал. Там вечно ошивались стареющие гомосексуалисты и смазливые блондинчики, отыскивавшие клиентов. Был там еще чернокожий трубаач, слегка смахивавший на Армстронга, даже манерой игры. Женщины в этом месте появлялись крайне редко, а уж если появлялись, то одни лесбиянки.

Гирланд спустился по скудно освещенной лестнице в подвал, слушая роскошные звуки трубы. На входе кивнул вышибале – тот ответил недоуменным взглядом, явно не узнав, – и попал в прокуренный зал. Разило потом, все разговаривали громко, стараясь переорать звуки трубы. Гирланд помедлил, оглядывая толпу, а потом двинулся мимо пары блондинов, перекрикивавшихся как попугайчики, к стойке бара.

Лысеющий бармен, толстый и жеманный, сразу придвинулся поближе.

– Здравствуй, милый, – сказал он, выкладывая на стойку

пухлые белые руки. – Чем тебя осчастливить?

– Привет, Элис. – Гирланд пожал обе его руки; он знал, что бармену нравится, когда к нему так обращаются. – Где тут Гарри Мосс?

– А, этот. Он тебя дожидается. – Тут бармен закатил глаза. – Такой зайчик! Он наверху... четвертая комната.

– Он там один? – спросил Гирланд.

– Ну конечно, милый. Он же тебя ждет.

Гирланд усмехнулся:

– Ты бы вел себя в соответствии с возрастом, Элис. А то совсем заигрался.

Пробравшись сквозь толпу в зале, он открыл дверь и начал подниматься по лестнице. У четвертой комнаты помедлил, постучал, а затем вошел в крошечное квадратное помещение. Юноша сидел за столом. Перед ним стояли бутылка виски, два стакана и ведерко со льдом.

Гирланд притворил дверь.

– Мосс?

Юноша оглянулся. Его густые длинные волосы ниспадали на воротник ковбойки. Все в его лице – зеленые глазки, крючковатый нос, слабый подбородок – говорило об испорченности и развращенности.

– Заходи, – сказал он с сильным нью-йоркским акцентом, показывая на стул. – Я Гарри Мосс. Хорошо, что пришел.

Гирланд присел, достал пачку «Пэлл-Мэлл» и закурил.

– Ты меня звал, – ответил он, – я и пришел. Давай сразу

к делу.

Зеленые глазки изучали его лицо.

– Есть одно дельце, которое я сам проверить не могу, – сказал наконец Мосс. – Оно точно незаконное, но за него ничего не будет. Речь идет о тридцати тысячах долларов. Половина тебе, половина мне. Продолжать?

– Валяй, – разрешил Гирланд. – Но тебе придется меня убедить, что за это точно ничего не будет.

– Я навел справки, – объявил Мосс, сосредоточенно разглядывая свой бокал. – И ты, кажется, именно тот, кто сумеет мне помочь. Да и вообще свой парень. Мне нужен помощник. – Он отхлебнул из бокала и, не ставя его на стол, посмотрел через него на Гирланда. – Слушай, я расскажу тебе всю историю, потому что выбора нет. Говорят, ты не болтун.

– А кто говорит? – поинтересовался Гирланд.

– Ну... В общем, я навел справки... – Мосс снова уставился на бокал. – Ладно, расскажу. Меня призвали в чертову армию. Не успел я очухаться, как уже очутился в Западном Берлине. Представляешь? Командир оказался такой debil, что расписаться не мог толком. А в его обязанности входило заполнять платежную ведомость для офицеров. Так что это делал я. В общем, я заполнял ведомость, а он сидел на своей толстой жопе и надувал щеки. А мой приятель Фэрди Ньюмен был поставлен у кассы – охранял денежки. Ну короче, решили мы забрать их себе. А что? Бабки просто сами просились в руки. И месяц назад мы это обделали. При-

шлось погладить командира по голове, хотя большого вреда мы ему не причинили. У него голова крепкая, одна кость. В общем, мы огребли пятьдесят тысяч долларов и страшный геморрой. – Мосс замолчал, отхлебнул виски и посмотрел на Гирланда. – Еще какой геморрой! Короче, пришлось бежать в Восточный Берлин. Фэрди додумался добраться до Праги, а оттуда в конечном итоге до Каира. А там у него были друзья. – Он снова замолчал и на этот раз поглядел на Гирланда с вызовом. – Тебе интересно? Продолжать?

– Валяй, – снова разрешил Гирланд. – Когда говорят о деньгах, я не скучаю.

Тонкие губы Мосса изогнулись в улыбке.

– Надо же! И со мной такая же история. Ну короче, добрались мы до Праги. А они все время висели у нас на хвосте. Чешская госбезопасность – вот кто за нами следил. Мы-то думали, что все уже позади, но не тут-то было! Все только начиналось! – Мосс поморщился и покачал головой. – Одна телка в Западном Берлине дала нам адрес своего знакомого в Праге, у которого можно было залечь на дно. И этот знакомый нас подвел. Спрятал нас у себя на квартире, взял за это двадцать тысяч долларов. Договорились, что поживем у него, а он будет носить еду, а потом вывезет нас из города, когда станет поспокойнее. Ну он нас пустил, взял деньги – и больше мы его не видели. Мы прокантовались там три дня, подыхая от голода. Тебе не приходилось голодать три дня?

– А тебе какое дело? – пожал плечами Гирланд. – Ты валяй

дальше.

– Ну... Короче, на четвертое утро мы уже были готовы сожрать друг друга. Кинули жребий, идти выпало Фэрди. Он отправился покупать еду. Только он высунулся на улицу, трех минут не прошло, слышу: полицейские свистки. Ну я чуть в штаны не наложил. Решил, что он сейчас приведет их прямо ко мне. Выскочил на чердак, полез на крышу. Я был в такой запаре, что забыл взять с собой наши деньги. – Мосс остановился, потер кончик носа и продолжил: – Сижу на крыше и вижу: Фэрди бежит как сумасшедший, а за ним два легавых. Топочут, как слоны. А Фэрди улепетывает, как заяц. И тут один из копов прицеливается из автомата – и засаживает Фэрди в спину целую очередь. Я видел, как от его рубашки полетели клочья, а потом хлынула кровь. – Мосс поморщился. – В общем, конец ему. – Он отхлебнул еще виски. – Я, само собой, в панике. Летел вниз по пожарной лестнице через шесть ступеней. И конечно, ни про какие деньги в тот момент не подумал. Просто сматывался. – Он помедлил, а потом попросил: – Сигареткой не угостишь? Если можно...

Гирланд подвинул ему свою пачку через стол. Рассказ Мосса заставил его задуматься. Похоже, парень говорил правду. А если вранье, то зачем он все это рассказывает?

– В общем, не буду грузить деталями, – продолжил Мосс, закурив. – Там была девушка... – Его тонкие губы чуть изогнулись в улыбке, и он добавил: – Как бы подонки вроде ме-

ня жили без девушек? Короче, она вытащила меня, и вот я здесь. Сижу тут две недели и кусаю локти. Только и думаю что о деньгах, которые дожидаются меня в Праге.

Гирланд отхлебнул виски.

– Всё? – спросил он.

– Ну, в общем, да... Такая история. Такая проблема. Денежки все еще лежат там. И мне нужен кто-нибудь вроде тебя сгонять за ними в Прагу. Разделим поровну, по пятнадцать тысяч на брата.

– А с чего ты взял, что они все еще там? – спросил Гирланд.

– Там, там! Вот в этом я точно уверен. Мы их запрятали в такое место, где никому и в голову не придет искать. В пачках сотенных... триста купюр. Объем получается небольшой.

– А почему ты думаешь, что я сумею их добыть, если ты сам не можешь?

– За мной следят, а за тобой нет. Послушай! Прага – это такой кусок ржавчины на «железном занавесе». У чехов финансовые проблемы. Им нужна валюта, поэтому они привлекают туристов. Съезди туда как турист, поживи денька три, а потом забери денежки и возвращайся. Проще простого. Они там даже багаж у туристов не проверяют. Я тебе говорю: валюта нужна им как воздух.

Гирланд потушил сигарету и, подумав, спросил:

– Ну хорошо. Допустим, я заберу деньги. А с чего ты ре-

шил, что я тебе их отдам?

Мосс усмехнулся:

– Это игра. У меня нет шансов добраться до них самому. Так что же я теряю? Конечно, нет гарантии, что ты меня не кинешь. Но тогда я тебя рано или поздно отыщу, и у тебя будут проблемы.

Гирланд откинулся на спинку стула и расплылся в улыбке.

– Проблемы, Гарри, будут у тебя, – объявил он. – Хотел бы я посмотреть, как такой сопляк устроит мне проблемы.

Мосс улыбнулся примирительно:

– Ну ладно, ладно! Я все знаю. Ты крутой. Но я все-таки попробую. Как бы там ни было, это игра. Ну так что скажешь?

– Подумаю. А где, ты говоришь, денежки спрятаны?

– А вот это я тебе скажу в аэропорту, когда увижу твой билет.

– Понятно. А кто оплачивает экскурсию? Потребуется не меньше двух тысяч франков.

– Верно. Я уже об этом подумал. Две тысячи будут.

– Ну тогда попробуем, – решил Гирланд. – Давай-ка так: позвони мне завтра утром часов в десять, о'кей? – Он поднялся и добавил: – Хотя ехать за «железный занавес» мне неохота. Не люблю я эти места.

– Тут мы похожи, – ухмыльнулся Мосс. – Но ничего. Съездить туристом – это ничего, спроси любого.

– Ладно, попробуем. Пока, до завтра.

И Гирланд вышел.

Мосс допил виски, а затем спустился в клуб. Он протолкался через толпу к телефонной будке, заперся и набрал номер.

– Да? – раздался голос после паузы.

– Говорит три нуля, – представился Мосс. – Клиент решит все завтра утром. Но он поедет, вот увидишь.

– Я так и думал, – ответил Дори и повесил трубку.

Гирланд в этот момент тоже набирал номер. Напротив «Золотого креста» располагалось кафе. Он направился туда сразу же после расставания с Моссом и теперь разговаривал с Биллом Лэмпсоном из «Нью-Йорк геральд трибьюн». Билл был ходячей энциклопедией, и его знания часто оказывались полезными.

– Привет, Билли, я вернулся, – сказал Гирланд. – Как ты?

– А, Гирланд, – узнал Лэмпсон. – Ну слава богу! А я-то думал, ты пропал с концами... Слышишь? С концами.

– Не переживай. Париж большой, хватит и на меня, и на него. Ну, как твои дела?

– Да ничего. А как там Гонконг?

– Лучше не бывает!

– А телки?

– Не бывает лучше!

– А правда то, что говорят про китайнок?

– Если я тебя правильно понял, то мой ответ: нет. Но в це-

лом очень рекомендую, – ответил Гирланд, вспоминая Тянь Той. – Да, рекомендую.

– Ты зачем мне звонишь? Чтобы я тебе позавидовал или еще зачем-то? – поинтересовался Лэмпсон.

– Хотел кое-что узнать, Билли. Скажи, пожалуйста, не слышал ли ты об ограблении кассы в нашей армии в Западном Берлине недели этак три или четыре назад?

Повисла пауза, а потом Лэмпсон спросил:

– А ты что-то знаешь?

– Я всего лишь интересуюсь, Билли. Ты цену себе не набивай.

– Ну хорошо. Да. Два срочника подорвали кассу на пятьдесят штук и смылись.

– А как их звали?

– Гарри Мосс и Фэрди Ньюмен. Полиция все еще их ищет. Был слух, якобы они подались за «железный занавес». А к чему ты спрашиваешь? Знаешь что-то? Послушай, Гирланд, из этого может получиться информационная бомба!

Гирланд, не отвечая, мягко положил трубку. Значит, Мосс не лгал. Тридцать штук! Он задумчиво направился к машине: «Ну и что я теряю? К тому же Мосс обещал оплатить издержки. Даже если денег там не окажется, можно прокатиться в Прагу. Ладно, решено: еду!»

Гирланд направился домой. Надо позаботиться о визе, напомнил он себе. Но это дело недолгое. Немного везения – и он будет на месте уже через три дня.

Минут десять ему пришлось покружить по району, чтобы найти место и припарковать «фиат». Поставив машину, Гирланд начал подниматься по лестнице к себе на седьмой этаж.

На площадке он увидел такую картину: девица в красных обтягивающих брюках сидела на полу, прислонившись к двери. Обняв колени, она смотрела на него с радостной и насмешливой улыбкой:

– Привет, паренек... Не забыл меня еще? А к тебе приходил взломщик.

Гирланд усилием воли подавил ярость:

– Я же тебе сказал: уходи. У меня полно дел. Когда-нибудь, когда ты повзрослеешь, мы с тобой повеселимся. Но не сейчас. Пока!

– Ты глухой, что ли? Я говорю: к тебе приходил взломщик.

– Ладно, понял. Взломщик. Спасибо. А теперь, киса, испарись отсюда, как утренний туман. О'кей?

– Здоровый мужик с красной рожей, – продолжала она, обнимая свои колени покрепче. – Половины правого уха у него нет. Но мастер своего дела. Ты бы посмотрел, как он вскрыл твой замок. А я сидела на ступеньках вон там. – Она показала наверх. – Он меня не видел. Все было как в кино.

Гирланд насторожился. Здоровый мужик с покалеченным ухом? Оскар Брукман! Один из людей О'Халлорена. Вряд ли найдется еще один безухий, который вздумал бы вламываться в его квартиру.

– Ну вот, я вижу, ты наконец заинтересовался, – сказала

девица и поднялась. – Кстати, меня зовут Рима. Ну что, начнем все сначала?

Не отвечая, Гирланд открыл дверь и вошел в квартиру. Оглянувшись, потом спросил:

– Долго он тут пробыл?

– Ровно двадцать минут. Я засекала. – Девица тоже вошла внутрь и оглядела помещение. – Неужели в твоей помойке есть что украсть?

– Вроде нет, – согласился Гирланд.

Он принялся медленно обследовать комнату, а девица тем временем направилась напрямиком к кровати и уселась на нее.

После тщательной проверки Гирланд решил, что все на месте.

Посещение Брукмана его сильно удивило. Может, Дори послал громилу забрать деньги, которые увел у него Гирланд? Да нет, не похоже. Не дурак же Дори, если думает, будто Гирланд прячет бабки у себя дома. Нет, непонятно, черт возьми! Но должен ведь быть какой-то ответ? Никогда Дори ничего не делал просто так.

Тут Гирланд вдруг увидел, что Рима уже лежит в постели, а ее шмотки разбросаны по полу. Он злобно поглядел на нее, но она только нахально улыбнулась в ответ.

– Ну, не будь дураком, – сказала она. – Нельзя же все время выигрывать.

«Вот они, женщины», – подумал Гирланд. Конечно, она права, нельзя все время выигрывать... даже большую часть

времени не получится. Ну и черт с ним! Он вышел из квартиры, с силой захлопнув дверь, и выбежал на улицу.

Ничего. Когда ты совсем молоденькая дура, небольшой облом пойдет тебе на пользу.

Гирланд переночевал – точнее, промучился всю ночь – в паршивой гостинице. Уже после полуночи, когда он ворочался с боку на бок, ему вдруг вспомнилась эта девица: какие позы она принимала!

«Да у меня крыша едет!» – со злобой подумал он, взбивая мягкую подушку.

В пять утра он все еще не мог заснуть. В это время он вдруг принял решение следовать своему внутреннему голосу.

Быстро оделся, вышел и сел в машину. Через десять минут уже карабкался к себе на седьмой этаж. «Ничего, – думал он, поднимаясь по ступенькам, – я все взвесил». Он распахнул дверь и вошел в большую комнату, чуть освещенную начинавшимся рассветом.

Кровать была пуста. Комната тоже.

Гирланд скривился, потом пожал плечами.

Подошел к постели, сгреб белье в один ком и бросил на пол. Затем разделся, принял душ, улегся на незастеленную кровать и заснул.

Оскар Брукман стоял в кабинете Дори перед письменным столом и мял за спиной свою шляпу.

О'Халлорен, непосредственный начальник Брукмана, глядел в окно, пожевывая погасшую сигару. Дори восседал за столом и играл ножом для разрезания бумаги.

Во всей сцене чувствовалось напряжение.

– Вот никак не могу понять, в чем дело, – задумчиво сказал Дори. – Продумаешь всю операцию – и вдруг где-то происходит сбой. – Он говорил тихо, но со злостью. – Я получил донесение О'Брайена. Он облажался. Уортингтон все еще жив.

О'Халлорен наконец оторвался от окна:

– Нельзя винить О'Брайена. Сообщение Кена было получено слишком поздно.

– Ну да, всегдашние оправдания. А теперь там орудует Маликов, и О'Брайена просто выкинули вон. Вернуться он уже не сможет. Если Маликов доберется до Уортингтона – а он доберется, – то я потеряю двух ценных агентов.

На это О'Халлорен ничего не ответил. Они с Брукманом переглянулись и стали ждать, что будет дальше.

– Ну, по крайней мере Гирланд, похоже, собрался в Прагу, – продолжал Дори. – Хоть что-то начинает получаться.

Он сердито посмотрел на подчиненных. Его глаза за толстыми стеклами очков казались преувеличенно большими.

– Что скажешь? – спросил он Брукмана.

– Я посетил квартиру Гирланда, – стал докладывать тот. – Подложил ему в чемодан тот конверт, который вы мне дали. Сам он его не найдет, если только не разрежет чемодан на

куски. А они там сразу найдут, как только его схватят.

– Тебя точно никто не видел, когда ты входил в квартиру? – пристально глядя на него, спросил Дори.

Брукман с трудом подавил улыбку превосходства: разговаривая с Дори, улыбаться не следовало.

– Так точно, сэр!

Дори поразмыслил над чем-то, а потом, кажется, расслабился.

– Надо бы растолковать вам суть этой операции, – сказал он, откидываясь на спинку стула. – Мы пошлем в Прагу Латимера, а Гирланда будем использовать для отвода глаз. Маликов там, и он все знает о Гирланде. Он решит, что это наш новый агент. Вопрос заключался только в том, как заставить Гирланда поехать в Прагу. – Дори поизучал некоторое время нож для разрезания бумаги, а затем продолжил: – Месяц назад два срочника выкрали месячную зарплату своей части в Западном Берлине. Этих ребят звали Гарри Мосс и Ферди Ньюмен. Они сбежали в Прагу. Ньюмена убила чешская полиция, а Мосс сейчас сидит в тюрьме. Ну а у меня есть племянничек – студент театрального училища. И я подумал: а почему бы ему не сыграть Гарри Мосса? Он связался с Гирландом и наплел ему то, что я попросил. Похоже, Гирланд заглотил наживку. Теперь он собирается в Прагу – забрать украденные денежки. И нам нужно, чтобы он действительно нашел в Праге деньги. Это часть операции.

Дори открыл ящик стола и вынул пакет, обернутый корич-

невой бумагой и заклеенный скотчем.

– Тут тридцать тысяч долларов, – сказал он, глядя на Брукмана. – Ты зайдешь к Мале Рид и спрячешь это где-нибудь в ее квартире, но только так, чтобы она не нашла. Гирланду мы укажем, где искать. Как только он найдет деньги, ты позвонишь в госбезопасность и, не называя себя, скажешь, что Гирланд хранит деньги, предназначенные для оплаты информации, полученной от контактов Уортингтона. Они, разумеется, сразу отправятся к нему в гостиницу, найдут деньги и конверт в чемодане, подложенный тобой. А там окажутся бумаги, подтверждающие, что Гирланд – агент. Они передадут конверт Маликову, и тот окончательно убедится, что Гирланд приехал на замену Уортингтону. А пока будет идти этот спектакль, Латимер проникнет в Прагу. Вот суть операции. – Дори протянул Брукману лист бумаги. – Вот инструкции для тебя. Все должно пройти строго в указанное тут время. Всё, отправляйся! Как только я узнаю, что Гирланд едет в Прагу, я тебя предупрежу. И ничего не делать без моего разрешения! Понял?

– Так точно, сэр! – отрапортовал Брукман.

Он засунул во внутренний карман пакет и инструкции и вышел.

Дори положил наконец нож на стол. Затем взглянул на О’Халлорена и сказал:

– Уортингтона надо убрать, Тим. Иначе он нам все осложнит.

– Еще как! – подтвердил О’Халлорен. – Все это крайне опасно. Мне кажется, нельзя недооценивать Гирланда. Он еще себя покажет. Мы пока даже не знаем точно, собирается он в Прагу или нет.

– Ну, в этом-то я уверен, – сказал Дори. – Поедет как миленький.

О’Халлорен пожал плечами – он всегда так делал, если слова собеседника его не убедили:

– Ладно. Предположим, поедет. Но он может просто сбежать с деньгами. Он умен как черт.

– Да ну, брось! – махнул рукой Дори. – Мелкий мошенник, вот и все. Насчет ума – я бы не сказал. Но я готов потерять эти деньги. Пусть достанутся чехам. Гирланд их точно не удержит. Ну и в конце концов, это же деньги правительства. Знаешь, что я думаю, Тим? У тебя комплекс неполноценности по отношению к Гирланду. Но поверь мне: не так уж он и умен.

О’Халлорен тем временем вспоминал, как Гирланд увел у Дори немалую сумму денег. Но говорить об этом сейчас не следовало.

– Ладно, поживем – увидим, – заключил он.

Довольный своим планом, Дори нахмурился, услышав такие слова, а затем подвинул подчиненному папку. Все хорошо знали, что этот жест означал несогласие.

Уортингтон перемотал пленку, открыл заднюю крышку

фотоаппарата и вытащил кассету.

– Что ты так волнуешься? – спросил он. – Подожди еще пару дней, и я уйду. Неужели мы с тобой не уживемся на такой короткий срок?

Мала не смирилась с мыслью о том, что от этого человека не отвязаться. Однако первый шок прошел, и она была готова помочь ему, только бы поскорее от него избавиться. Она сделала двадцать снимков; глядя через видоискатель на его слабое, испуганное лицо, она даже начала испытывать к Уортингтону нечто вроде жалости.

– Ну, не знаю, как мы уживемся, – ответила она безнадежно, – но уживаться придется.

Он улыбнулся в ответ. Рассматривая его лицо, Мала решила, что с усами Уортингтон выглядел симпатичнее.

– Уживемся, уживемся... Пару дней... Я тебе обещаю... Не больше.

Он передал ей кассету с пленкой и свой британский паспорт:

– Можешь отнести это Карелу Власту на Целетну улицу? Власт знает, что это срочно. Он уже стар, но из ума не выжил. – Разговаривая, Уортингтон начал как-то вытягивать верхнюю губу, словно не мог привыкнуть, что над ней больше нет щетины. – Ты знаешь, где это? Поезжай лучше на трамвае.

– Хорошо, – ответила Мала с сомнением в голосе, а потом попросила: – Ты не мог бы посидеть в ванной? Мне надо пе-

реодеться.

– Конечно.

Уортингтон заперся в ванной. Опустил крышку унитаза и сел на нее.

Прислушиваясь к звукам, доносившимся из комнаты, он вспоминал, как впервые встретил ее. Кен предупредил его, что есть надежная женщина-агент в Праге и что она работает в ночном клубе «Альгамбра». По словам Кена, через нее безопаснее всего передавать сообщения: поскольку сам он часто заходит в этот клуб, ей будет легко играть роль связной. И при этом им, Уортингтону и Кену, можно вообще не встречаться.

Уортингтон вспомнил, как в первый раз зашел к Мале домой. У него была при себе бумага – с виду простой список покупок, а на самом деле невидимыми чернилами там была вписана информация для Кена. И как только он увидел Малу, тут же в нее влюбился. Разница между ней и Эмили была колоссальная. Та – крупная, глупая и упрямая, а эта – милая, изящная и веселая. Но он никогда не давал понять Мале, что чувствует. Уортингтон постоянно напоминал себе, что он гораздо старше, а кроме того, женат.

Но за два года совместной работы она все больше и больше сводила его с ума. Уортингтона бесило ее равнодушие к нему: похоже, для нее встречи с ним были только возможностью заработать дополнительные деньги.

Когда ему пришлось поселиться в ее квартире, он чув-

ствовал жуткое напряжение. Он хотел ее. Его тело отзывалось болью от тоски по ней. Но он понимал: малейший намек на любовные чувства станет фатальным. Сколько раз, когда они оказывались совсем рядом, она проявляла только одно желание: чтобы он поскорее убрался.

Сделав над собой усилие, он стал думать о Власте.

Этого человека Уортингтон впервые встретил на тайном антикоммунистическом собрании. Власт сразу потянулся к нему. Говорил, что англичане – надежный народ. Потом они общались несколько раз после собраний. Власт рассказал, что когда-то был гравером. Теперь же он работал в ночную смену лифтером в одном из лучших отелей. Такая работа оставляла свободным весь день. И еще Власт сказал, шепотом, что, если Уортингтону понадобится паспорт, пусть приходит к нему:

– Увидишь – лучше меня никто с этим не справится.

В то время у Уортингтона все было в порядке, но он запомнил на всякий случай слова Власта. Он понимал, что может наступить такой момент, когда придется бежать из Праги и понадобится фальшивый паспорт.

Долгое время все шло хорошо, еще каких-то две недели назад ничто не предвещало бури. Он преподавал английский, выглядел настоящим учителем с прекрасными манерами. Был также и внимательным слушателем. Каждый раз, когда его ученики – преподаватели, политики, чиновники – пробалтывались о чем-то, он переправлял информацию Ке-

ну, а тот – Дори. Цифры на его долларовом счете в швейцарском банке подрастали. И тут на сцену явился этот верзила с белобрысой шевелюрой – Маликов.

Уортингтон знал, что Маликов – один из самых опасных агентов ГРУ, советской разведки. Англичанин прекрасно осознавал, что сам-то он совсем не герой. Узнав о прибытии Маликова в Прагу, он тут же начал готовиться к отъезду. Связался с Властом. Старик легко согласился сделать фальшивый паспорт, но не задаром. Уортингтону понадобилось несколько дней, чтобы собрать нужную сумму: пришлось и в долг брать, и потревожить собственные накопления, и просить наиболее надежных учеников заплатить вперед. В эти дни Уортингтон и понял, что за ним следят. Скорее всего, он вызвал подозрение у Маликова. Было и еще одно, совсем пугающее обстоятельство. Если его арестуют, из него выбьют показания на Малу и Кена. От одной мысли о том, какие методы могут применить головорезы Маликова, чтобы вырвать признание, он покрывался холодным потом. Уортингтон отлично понимал, что в их лапах превратится в вопящий от боли источник информации. И Дори об этом знает. Он ненавидел Дори. Уже при первой встрече он понял, что Дори ему не доверяет. Шеф ценит Малу и Кена. Так как же он поступит с Уортингтоном?

Сидя на унитазе и разгоняя сигаретный дым тонкими пальцами, англичанин приходил в отчаяние от этих мыслей. Конечно, Дори пошлет киллера, чтобы ликвидировать его.

Просто и ясно. Мертвые никого не выдают. Значит, сейчас за ним охотится не только Маликов, но и люди Дори.

Раздался стук, он отворил дверь ванной комнаты.

– Я готова, – сказала Мала.

Уортингтон вскочил, покачнувшись, со своего недостойного сиденья. На Мале было простое голубое платье, и выглядела она потрясающе. Он ощутил дрожь желания, впился в нее глазами, но тут же, сделав усилие, взял себя в руки.

Уортингтон вынул из кармана конверт.

– Здесь деньги для Власта, держи, – сказал он. – Только, ради бога, не потеряй. Пленку и паспорт взяла?

– Да.

Она сунула конверт в сумку и направилась к выходу. Он проводил Малу взглядом, любуясь ее стройной фигурой.

– В холодильнике есть кое-что, если проголодаешься, – сказала она на прощание.

– Спасибо. И смотри, нет ли слежки.

Мала бросила на него быстрый взгляд. Она понимала, что необходимость жить бок о бок волнует его. Она была уверена, что Уортингтон сумеет сдержать свои порывы, но все-таки беспокоилась: чем раньше он исчезнет, тем лучше для них обоих. Сама она никаких чувств к нему не испытывала. Только смущение и неудобство от совместного проживания.

– Хорошо, буду поглядывать, – ответила она.

До Целетной улицы она добиралась пешком минут двадцать.

Дойдя до дома, где жил Власт, Мала вошла в парадное и начала подниматься на пятый этаж. На третьем остановилась и поглядела через окно вниз, во двор-колодец. Убедившись, что там никого нет, взбежала на пятый и позвонила.

Сначала было тихо, потом дверь отворилась. Перед ней стоял чрезвычайно толстый старик в серой фланелевой рубашке и запачканных черных вельветовых брюках. Ключья волос, торчащих из-за ушей, были совершенно седыми. Маленькие глазки, нос кнопкой и двойной подбородок делали его похожим на голливудских комиков.

– А, добро пожаловать! – приветствовал он гостью и поклонился. – Давненько не появлялась у меня в гостях такая симпатичная барышня.

Он повернулся и заковылял в сторону маленькой гостиной, серой от пыли. Там стояли два сломанных кресла и стол; на стене висел истертый ковер.

– Жена у меня умерла, – сказал старик, смахивая пыль с одного из кресел, и тут же добавил: – Какое миленькое у тебя платье. Жалко будет, если испачкается.

Он прошел, переваливаясь, в другой угол комнаты, взял газету – это была «Утренняя звезда» – и постелил ее на кресло.

– Вот так-то лучше. Теперь платье не испортишь. Садись, пожалуйста!

Мала села и сразу вытащила из сумки конверт с деньгами, кассету с пленкой и паспорт. Однако тут же замерла: она

вдруг увидела, что правая рука старика забинтована.

– Вы что, поранились? – спросила Мала.

– Ничего страшного. Порезался тут. Когда доживешь до моих лет, поймешь: любой порез становится опасен. Ну а теперь скажи, пожалуйста, чем я обязан такому приятному посещению?

– Меня прислал мистер Уортингтон, – ответила Мала, пытаясь сдержать поднимающийся внутри страх; она разложила на столе все три принесенные вещи. – Он говорит, что вы все быстро сделаете.

Власт посмотрел на паспорт и покачал головой:

– Не повезло вам. Бывает, случаются неприятности... и всегда не вовремя. Но как только рука заживет, я, конечно, все сделаю, и очень быстро. – Тут его взгляд остановился на конверте. – Там что, деньги? – Власт открыл конверт и посчитал банкноты, потом кивнул с довольным видом. – Мне сразу понравился мистер Уортингтон. И я обещал ему помочь. Долго ждать не придется.

– А сколько придется? – спросила Мала, она была очень напряжена.

– Ну, пару недель... не дольше.

Мала глядела на него, чувствуя, как ее руки непроизвольно сжимаются в кулаки.

– Но это срочно! Очень срочно! Его ищут!

Власт потер щетинистый подбородок. Потом провел толстыми пальцами по волосам. Его толстое лицо помрачнело.

– Я понимаю, как это плохо. Прошу прощения... Но раньше двух недель не получится. Я сделаю все возможное, ты мне поверь.

Две недели! Две недели терпеть чужого человека у себя в комнате!

– А нельзя ли все-таки как-нибудь пораньше?

– Эту работу надо сделать безупречно. Если выйдет халтура, то, значит, я пошлю его на верную смерть. Две недели – за это время я все сделаю как надо. Не стоит рисковать.

Мала посидела еще некоторое время, не двигаясь. Ее душило отчаяние. Наконец она встала:

– Хорошо, я передам.

– Да, и скажи, что я очень извинялся. – Глаза старика с удовольствием осматривали ее ладную фигуру. – Может, чашечку чаю?

– Нет, спасибо, – ответила она уже в дверях.

Власт проводил ее взглядом, по-видимому недовольный тем, что такая привлекательная и колоритная особа навсегда уходит из его жизни. Потом запер принесенные ею вещи в ящик стола и закрыл его на ключ. Власт направился к окну и, наклонившись, поглядел вниз. Мала прошла по улице и исчезла за углом.

«Да, везет Уортингтону», – думал Власт. В этот момент ему очень хотелось бы сбросить лет сорок. Он помечтал немного о том, как эта девушка стала бы его любовницей. Потом уселся в пыльное кресло и погладил забинтованную

руку: она начинала его беспокоить. Надо бы зайти в поликлинику ближе к вечеру. Надо позаботиться о руке, если он хочет сдержать слово, данное Уортингтону.

Тем временем Уортингтон, оставшись один, принялся тщательно обследовать квартиру Малы. Комната была всего одна, но немаленькая. В алькове поместился узкий диван. Имелась и миниатюрная кухонька, а также совмещенная с туалетом ванная комната. В комнате вдоль одной из стен стоял сервант. На балкончике, за французским окном, росли два каких-то больших растения в кадках. За ними виднелась беленая стена церкви. В случае опасности – если кто-то вдруг сюда явится – можно спрятаться на балконе. Тогда его не будет видно ни с улицы, ни из комнаты. Эта мысль несколько успокоила Уортингтона.

Он засунул свой чемодан под кровать и сел в кресло. В углу комнаты стояла большая, в человеческий рост, фигура вырезанного из дерева коленопреклоненного ангела. Должно быть, церковная скульптура, купленная по случаю где-нибудь в антикварной лавке хозяином квартиры. Разглядывая ангела, Уортингтон почувствовал себя несколько спокойнее. Ему нравился и размах крыльев, и благочестивое выражение лица, и простые одежды.

Пожалуй, настоящий шедевр резчика, подумал он. Такую скульптуру сразу хочется утащить к себе. Ну ничего, теперь добраться бы до Женевы и оглядеться. Если повезет, он тоже

добудет себе что-нибудь такое.

Только Уортингтон задумался о деньгах и о том, как заживет, поселившись в Женеве, как вдруг услышал чьи-то шаги на лестнице. Вскочив, он выбежал на балкон и скорчился там, дрожа от страха и волнения. Пальцы нашарили рукоятку пистолета: он носил его в кобуре под левой подмышкой.

Замок щелкнул, потом все стихло. Очень осторожно Уортингтон выглянул из-за цветущего куста – и встретился глазами с Малой, которая встревоженно озиралась по сторонам.

Уортингтон вернулся в комнату.

– Ах, вот ты где, – произнесла, переводя дыхание, девушка. – А я решила, что ты ушел.

Уортингтон горько усмехнулся. Она и не пыталась скрыть разочарование.

– Нет, не ушел, но надо быть осторожным. Я услышал, как кто-то поднимается... – Он сделал паузу, а потом спросил выжидательно: – Ну так что там с паспортом? Когда будет готов?

– Власт повредил руку. Обещал сделать через две недели.

Лицо Уортингтона налилось кровью, но уже через мгновение он страшно побледнел:

– Две недели? Не может быть!

– Ну а как быть? У него рука не двигается. – Мала замолчала, а потом решительно объявила: – Тебе нельзя здесь оставаться две недели! Уходи! Я не хочу, чтобы ты тут торчал!

Уортингтон присел. Две недели! И каждый день, каждую ночь думать о том, что Маликов его выслеживает. А еще киллер, подсланный Дори. Он съежился от ужаса. Что делать? Уйти от нее? Это означает смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.